

20 июля 1980 г.

БЫЛИ И НЕБЫЛИ

Так называется роман писателя Бориса Васильева. 1-я книга романа была опубликована в 1977 году в №№ 8 и 9 журнала «Новый мир». 2-я книга будет напечатана в этом же журнале в текущем году. Автор предоставил нашей газете отрывок из 2-й книги, в котором рассказывается о вошедшем в историю знаменитом «Шипкинском семидневье», когда в августе 1877 года русско-болгарские войска сражались с турецкими солдатами за освобождение Болгарии.

...В первый день боев—самый длинный день Шипкинского семидневья—левый фланг отбил десять турецких атак: в среднем они повторялись через каждый час. Глотки горели от надсадных криков, каменной пыли, порохового смрада и копоты. Последнюю атаку противник предпринял против Стальной батареи уже при лунном свете; отбиваться опять пришлось врукопашную, но отбили и ее, десятую. И тогда наступила тишина, только всю ночь, не замолкая, мучительно стонали под обрывами раненые.

Солдатам и офицерам роздали сухари. А надо было исправлять и достраивать ложементы, хоронить убитых, позаботиться о раненых. На это уже не хватало сил, но в темноте беззвучно задвигались тени: шли болгарские женщины и дети, которых только сейчас Столетов допустил на позиции.

Было приказано отдыхать поочередно, но все равно никто не спал. Сказывались и возбуждение боем, и та безмерная усталость, за которой исчезает даже сон.

С низин потянуло прохладой, скопившимся пороховым дымом, запахом искромсанных тел. Олексин сидел под скалой на шинели, понимал, что должен хоть немного вздремнуть, но не дремалось и даже не думалось. Ломило все тело, ныла растревожженная рана, и все время хотелось пить. Он сдерживал себя, лишь изредка делая глоток из фляжки, которую ему принес болгарский парнишка: берег воду на завтрашний день, когда опять начнется бой. В соседних ложементах тихо и грустно пели орловцы.

— Олексин, вы? — Беневоленский в наброшенной на плечи шинели опустился рядом. — Искал вас.

— Ранены? — спросил поручик, увидев перебинтованную руку.

— Пуля. По счастью, в мякоть.

— Это когда вас на бруствер энтузиазмом вынесло?

— Нет, позже, в атаке. — Беневоленский усмехнулся. — Никогда не переживал такого подъема, такого торжества духа, что ли.

— Ступайте-ка к доктору Конькову, господин энтузиаст.

— Зачем? Я еще могу стрелять и перевязывать.

— Я хочу сохранить жениха для сестры, Прохоров. Аверьян Леонидович помолчал, в темноте искоса поглядывая на грязное, осунувшееся лицо поручика. Потом сказал тихо:

— Я не хочу более обманывать вас, Гавриил Иванович. Я никакой не Прохоров. Я — Аверьян Леонидович Беневоленский, сын священника села Борок, что неподалеку от Высокого. Нет-нет, я не вер, я не подделывал векселей и никого не убивал: за мной охотились, вот и пришлось сменить паспорт.

— Кто за вами охотился? — устало спросил поручик. — Коли признаваться, так до конца.

— Вы правы, Олексин. — Беневоленский опять помолчал. — Что вы знаете о русских социалистах? Я имею в виду не говорунов типа господина Лаврова, а настоящих революционеров.

— Я не имею чести быть знакомым ни с господином Лавровым, ни с кем-либо из настоящих революционеров, — сказал Гавриил. — Впрочем, в Сербии под моей командой служили трое парижан-коммунаров, и это не мешало им быть отважными солдатами.

— Наша деятельность требует мужества, Олексин.

— Ваша?

— Да. Я разделяю мысли Ткачева об активной борьбе. С существенными, правда, поправками, но это уже теория.

— Надеюсь, вы не втянули Марию в свою мужественную деятельность?

Он спросил с ворчливой улыбкой. Он никогда не интересовался никакими учениями, относясь к ним с полным равнодушием, знал, что Василий увлекается революционной пропагандой, предполагал, что Федор пойдет той же дорогой, но никого не осуждал. Каждый человек волен поступать по долгу совести — этому учил отец, и все Олексины воспринимали свободумыслие как нечто само собой разумеющееся.

— Нет, — вполне серьезно ответил Беневоленский.

ский. — За подобную деятельность родное отечество сулит в лучшем случае каторгу, а я слишком дорожу Машей.

— Это ваше дело. Только не занимайтесь пропагаторством в полку. Уж пожалуйста.

— Зачем? — улыбнулся Аверьян Леонидович. — Здесь эту работу неплохо выполняют турки, разве не так? Разве сегодняшний день не знамение завтрашних битв за свободу? Я воспринял его именно так, Олексин. Когда русский искренне считает болгарина братом, а болгарин, не раздумывая, жертвует за русского жизнью, когда простые солдаты груды заслоняют офицеров, а офицер отдает нижнему чину последний глоток воды, война выходит из тех берегов, в которых ее хотело бы видеть самодержавие. На Шипке произошло чудо, Олексин: царская расчетливая бойня превратилась в войну народную по воле самих народов. Вы почувствовали, сколько сил, мужества, самопожертвования и отваги таится в простых людях, когда они воюют не во исполнение царской воли, а по зову собственных сердец?

— Для вашего возраста вы слишком восторженны. Это пройдет, просто сказывается первый бой.

— Если меня не убьют, я попробую пересмотреть свои идеи заново, — словно не слыша, продолжал Аверьян Леонидович. — Террор, бунты, упования на крестьянскую стихию — все это не то. Революционер — не спичка, которую подносят к фитилю... Да, вы правы, надо поспать. Дай нам бог продолжить этот разговор.

— Дай бог, чтоб мне хватило патронов на завтра, — хмуро сказал Гавриил, расстелил шинель на остывшей земле.

...За ночь турки подтянули артиллерию и весь следующий день слали на русские позиции снаряд за снарядом. К счастью, батареи их были расположены далеко, и стрельба велась скорее в расчете на психологический эффект. Зато черкесы неплохо пристрелялись, и ружейный огонь сильно беспокоил защитников.

Именно этот день, 11 августа, турецкий полковник избрал днем генерального штурма и настолько был уверен в победе, что еще до атаки направил донесение султану о взятии Шипкинского перевала.

...Беневоленский лежал в неглубокой снарядной воронке. Боль в раненой руке, начавшись сутки назад, исподволь, переросла в невыносимо ноющую, от которой он скрипел зубами. «Неужели гангрена? Но я же обработал рану... Неужели гангрена?..» Надо было спешить к врачу, пока притих бой, пока его не свалила эта страшная боль, пока еще были силы. Он выбрался из воронки и, не обращая внимания на дождь, потащился к бьсым домникам перешейка, где доктор Коньков развернул основную перевязочный пункт.

— Эй, куда под пули-то, куда? Пригнись, слышь, что ли!..

Кричали брянцы: около роты их лежало в наспех отрытых ложементах. Это был резерв полковника Липинского, который он пока приберегал. Беневоленский услышал крики, но поспотел в другую сторону: ему почудился звон. Оглянувшись и рядом, в полусотне шагов, увидел турок. Пригнувшись, они быстро пересекли позицию, намереваясь с тыла ударить по Стальной батарее и таким образом замкнуть оба конца подковы, охватившей гору святого Николая. Замкнули и отрезали южную позицию русских от центральной, рассечь всю систему обороны надвое, лишит возможность маневрировать артиллерийским огнем и резервами. Как свыше двух сотен турок сумели просочиться через оборону правого фланга, раздумывать было некогда.

— Брянцы, за мной!.. — крикнул Беневоленский. — Бей турок, братцы! Ура!..

Турки крались осторожно, опасаясь не только преждевременно обнаружить себя, но и пулю собственных черкесов. Все внимание их было устремлено вперед, к Стальной батарее. Как бы там ни было, а брянцы первыми увидели противника и рванулись к нему с такой неудержимой яростью, что часть турок тут же бросилась бежать, но большинство было пегорито на месте.

— Благодарю, вольноопределяющийся, — сказал капитан, командовавший брянцами. — Вы вовремя отдали команду. Ранены? Дать провожатого?

— Нет... — задыхаясь от боли, сказал Беневоленский: он не участвовал в штыковом ударе, он бежал вперед, пока его не обогнали солдаты. — Я доберусь сам, капитан.

И, пошатываясь, медленно потащился к бьсым домникам.